

Тайный Государь и великий раскол (Недоказанная гипотеза или отвергнутая правда)

Василий Комлев

Народу русскому с поклоном

*“И невидим будет Большой Китеж,
что стоит на берегу озера Светлояра,
вплоть до пришествия Христова...”
Китежский летописец*

В предлагаемом мною на суд общественности в ином взгляде на нашу нижегородскую историю, на историю Руси 17-18 веков и в ином раскрытии возникновения в то время мощного движения сторонников старой веры (старообрядчества), а также в иной попытке расшифровки легенды о невидимом граде Великом Китеже я ничего не пытаюсь доказать. Я просто пересказываю нашу российскую историю 300-летней давности такой, какой она мне открылась и какой я ее понял. Мои выводы идут в разрез общепринятому взгляду на нашу историю и к тому же в некоторых местах совсем не доказуемы с точки зрения профессиональных историков, так как в иных моментах сами события просто напрашиваются на некоторые выводы исходя из самой исторической ситуации. И тут уже конечно скорее претензия на историчность вероятности происшедших событий с некой долей художественного домысла. Потому на полную историчность своего исследования я не претендую. Так что споры и доказательства оставляю другим и на потом.

Тайну града Китежа и его чудесного исчезновения перед “антихристовыми” полчищами в водах озера Светлояр разгадать пытались очень многие исследователи, но их беда, что они не пытались эту красивейшую легенду, будоражившую воображение писателей, поэтов, художников и музыкантов жестко привязать к истории староверчества, из глубины которого она и вышла на свет Божий. Все чувствовали в ней некую **мучительно-притягательную Тайну**, но она ни перед кем так и не открылась. Все искали невидимый град Китеж на земле или в водах озера Светлояр, а надо было искать его в духе Великого Раскола, разразившегося над молодой Русью три века назад. При внимательном и непредвзятом прочтении исторических событий конца 17, начала 18 веков трудно не согласиться с приводимыми мною доводами и крупным найденным доказательством. Нашему мышлению всегда с трудом дается все “новое”, опровергающее привычное “старое”.

Вначале была у меня какая-то неудовлетворенность за своих древних предков, что из-за каких-то “незначительных” правок церковных книг и “незначительных” обрядовых изменений, они, сменив нажитое место, 250 лет вели достаточно суровую жизнь в бедных, неурожайных лесах Керженского Заволжья. И удалось мне все же найти, вычислить то недостающее звено в нашей российской истории, которое было очень тщательно скрыто, запечатано и **заговорено** вот уже на протяжении 300 лет.

Мне пришлось провести собственное расследование схожее с работой реставратора, решавшего задачу восстановления казалось бы безвозвратно потерянной картины по едва уловимым следам. Откуда мне перед началом работы было знать, что данное исследование как в религиоведении, так и в культурологии называется мифологической реконструкцией. И вот покрывало прошлого приподнялось при решении этой таинственной задачи. И были получены ответы на многие волнующие меня вопросы и стало понятно, почему тогда, 300 лет назад в открытый Раскол ушло от 1/4 до 1/3 **всех слоев** населения Руси. Разделилась не только Церковь, но, в известном смысле, сама Святая Русь, сам народ, сама русская душа (2, стр. 152).

Некоторые исследователи Раскола иногда задаются недоуменным вопросом: “Почему все-таки старообрядчество, жесточайше гонимое государством и официальной церковью, со временем хоть и раздробилось на множество согласий, но все-таки не сжалось до размеров малой секты? А не то, что сжалось, но и смогло воспитать в своем кругу огромную плеяду великих людей земли русской и оставивших в истории Отечества неизгладимый след”. Вообще-то во времена Великого Раскола такого понятия, как старообрядчество, не существовало, оно появилось уже позже, в 18 веке, а до этого были лишь староверы, да раскольники. И хоть само название “старообрядец” несет в себе более отрицательную и уменьшительную смысловую нагрузку, чем “старовер”, будем придерживаться общепринятого в настоящее время слова.

Недостающим же звеном одной из тайн мощи старообрядчества, как религиозного течения староотеческой Руси оказался первенец второго царя рода Романовых Алексея Михайловича и его супруги Марии Ильиничны из рода Милославских и названного в честь деда — Михаил (Михайло). Если вести отсчет от дня свадьбы, состоявшейся 16 января 1648 года, то он должен родиться осенью этого же года. Это косвенно подтверждают исторические источники, утверждающие, что во время бунта летом этого года беременная молодая царица участвует в угощении вином бунтовщиков, а впоследствии находящийся в ссылке в Троице-Сергиевом монастыре бывший воспитатель и родственник царя боярин Борис Иванович Морозов **прощается по поводу рожденья первенца** и 29 октября 1648 года присутствует в Москве на крестильном обеде (1, стр.83-84). Известный же истории “первенец” Дмитрий рождается в 1649 году, прожив всего 2 года.

Но нет, сколько не листай, в учебниках русской истории Михаила, сына царя Алексея Михайловича! Но есть случайное упоминание о царевице Михаиле в приведенном документе Даниилом Мордовцевым в его романе “Великий Раскол”, есть косвенные упоминания о нем в оставленных нам летописях Сильвестра Медведева и в литературных трудах царского чиновника и русского писателя Мельникова-Печерского. И есть удивительная легенда о граде Китеже и погибшем вместе с ним, ставши всеми невидимыми, великом князе Георгии Всеволодовиче, убежденно утверждаемая только старообрядцами, как историческая реальность. Известно, что крестильный обед по поводу рождения царского первенца был 29 октября, то есть согласно православным законам того времени на восьмой день после рождения. А этим днем у нас получается 22 октября (4 ноября) — день празднования явления иконы Казанской Богоматери. Когда-то я этот день считал вероятным днем рождения забытого царского сына Михаила, теперь же я уверен в этом полностью. (В ноябре 2000 года, наткнулся на «Русской линии» в интернете, что первенец царя Алексея Михайловича родился именно 22 октября (4 ноября) 1648 года и был назван Дмитрием. Тогда кто же родился в 1649 году? А был ли Дмитрий?).

Что интересно, но икона Казанской Пресвятой Богоматери — главная святыня Нижегородского ополчения. Ее прислал нижегородцам патриарх Гермоген перед решающим походом нижегородцев во главе Минина и Пожарского за освобождение Москвы от иноземцев. И для верующего человека того времени было совершенно ясно, что законный Государь данный от Бога не рождается в простой день. В его рождении всегда присутствует знак понятный всем.

А ведь давно надо задаться элементарным для русского человека вопросом: почему же все-таки у русского царя Алексея Михайловича, у которого известно 6 сыновей: Дмитрий (1649-1651), Алексей (1654-1670), Феодор (1661-1682), Симеон (1665-1669), Иоанн (1666-1696) и Петр (1672-1725) (2,стр.124), не числится сына с именем Михаил? Алексей есть — как бы в свою честь и в честь прадеда патриарха Филарета (в миру Феодора) стоит сын после собственного, а Михаила, в честь деда — нет. Не по обычаю русскому получается, ой не по обычаю христианскому, чтоб покойного деда, основателя царской династии Романовых можно так обидеть на глазах всей Руси, не назвав ни одного (!) внука в его честь. Нет, не обидели деда, был среди его внуков Михаил!

Начало же этой печальной и трагической тайной истории идет со вторичной женитьбы **22 января 1672** года царя Алексея Михайловича на молодой 20-летней Наталье Кирилловне из рода Нарышкиных, будущей матери Петра I. *“Спас девицу от позору, да в Руси бывать разору”*. Царица Мария Ильинична умерла 3 марта 1669 года вскоре после родов 14 по счету ребенка — дочери Евдокии, так и не женив своего старшего сына. (Год свадьбы 1672 мной взят у авторитетного историка С.М. Соловьева (10, т.12, стр.584), все другие источники дружно указывают на 1671 год. И не знаю кто тут прав, но то, что уже в 1671 году молодая Нарышкина в царском тереме чувствовала себя хозяйкой — подтверждают все).

Сейчас можно только предположить, для кого приближенный к царю незнатный думный дворянин Артемон Сергеевич Матвеев предусмотрительно держал в воспитанницах молодую Наталью Нарышкину. Не приглянулась видать она самоуверенная и честолюбивая Михаилу... Петр Алексеевич же, выходит, родится намного раньше, чем положено на Руси после честного брака — 30 мая 1672 года, то есть через 4 месяца после свадьбы, что впоследствии даст староверам, не признававших Петра за законного государя, дополнительный мотив соотнести его с антихристом. Согласно же библейским пророчествам, антихрист родится от “девы нечистой и развратной”. А мать Петра чистотой русских нравов, воспитанная на заграничный лад, совсем не страдала. К тому же примем во внимание, что мистический русский дух чувствуя дыхание Зла и Духа неправды жил тогда в напряженном ожидании надвигающейся катастрофы, в которой виделся скорый Конец Света.

Церковные реформы, начатые патриархом Никоном и согласованные с молодым царем Алексеем Михайловичем пошли по греческому пути. Совсем по другому их предполагали проводить близкие к царю до начала реформ члены кружка ревнителей древнего благочестия, где во главе которого тогда стоял духовник царя Стефан Вонифатьев.

Здесь следует отметить странном, на первый взгляд, совпадении выхода известных лиц времен Раскола из нижегородчины и объединенных своим рождением и жительством небольшой территорией, которую всю можно обойти за день.

«Грамоте Никита Минин выучился еще мальчонкой у священника села Колычева, почтенного отца Ивана, сын которого стал епископом коломенским Павлом и был сожжен по приказанию подростшего Никитки, непреклонного патриарха Никона.

На сестре Павла Коломенского был женат молодой человек, который стал митрополитом суздальским Иларионом. Он был сыном священника Анании из ближнего села Кирикова. В разное время учениками и духовными детьми Анании были все тот же Никитка Минин и будущий протопоп Иван Неронов, ставшие смертельными врагами. И еще с одним Иларионом часто встречался юный Аввакум. Стал этот Иларион попом в большом селе Лысково, раскинувшемся на холмах против Макария, потом игуменом этого монастыря и, наконец, митрополитом рязанским. Это к нему, врагу своему, обращался впоследствии Аввакум со словами: *“А ты кто?.. Яковлевич, попенок!.. Недостоин век твой весь Макарьевского монастыря единой ночи”*.

В Макарьеве же принял монашество будущий покровитель Аввакума, архиепископ сибирский и тобольский Симеон. Откуда-то из нижегородских пределов вышел и еще один покровитель Аввакума — духовник царя Алексея Михайловича благовещенский протопоп Стефан Вонифатьев... Все они встречались в Макарьевском монастыре, где было, очевидно, неплохое собрание рукописных и печатных книг.» (23. стр.3).

Так под сенью Макарьевского монастыря постепенно создавался коллектив, который стал ядром кружка древнего благочестия, который сам и вывел Никона в патриархи. *“И я, окаянный, о благочестивом патриархе к челобитной приписал свою руку. Ано врага выпросили и беду на свою шею”* — писал протопоп Аввакум (5.стр.58). Позже он вспоминал: *“Я Никона знаю — недалеко от моей родины родился, между Мурашкина и Лыскова, в деревне (мордовское село Вельдеманово — В.К.); отец у него черемисин, а мать русалка, Минька да Манька, а он, Никитка, колдун учинился, да баб блудить научился, да в Желтоводском монастыре с книгою поводился...”*

Москва в то время была не только красивейшим городом мира, но и очень богатым городом, что привлекало множество просителей, купцов и авантюристов, особенно из Греции. Греки занимались всевозможным мошенничеством, продавали стекляшки, выдавая их за драгоценные камни. Иерархи торговали разрешениями на развод, духовными званиями... и, по выражению Крижанича, готовы были *“продать нам тысячу раз Христа, коего Иуда продал лишь один раз”*.

Но если отношение к грекам порой было полупрезрительное, то дело с греческими книгами и обрядами обстояло не так просто. С греческих первоисточников когда-то были сделаны переводы священных книг, греческие обряды вошли в обиход русской церкви. Пытаясь наладить работу с греческими подлинниками, Федор Ртищев пригласил из Константинополя в Москву архимандрита Бенедикта, считавшегося доктором богословия. Но он оказался жуликом, подделавшим бумаги, которые удостоверяли его личность.

К тому же исправление многих церковных книг патриарх Никон поручил людям с не совсем чистой репутацией, типа митрополита Газского сирийца Паисия Лигарида и жиды Арсения-грека. Арсений-грек видится же вообще человеком авантюрного склада и который по собственному же признанию в следственном деле, легко переходил из веры в веру, начиная с иудейской, на допросе показал, что в Италии он был католиком, в Турции магометанином, в Польше — униатом. Тогда же этого ренегата сослали в Соловки.

А в лесах еще с времен царствования Михаила Федоровича среди простых верующих насаждал изуверское спасение некий “великий и премудрый Вавила”, о котором позже в одном из раскольнических сочинений говорилось: *“Бысть родом иноземец, веры люторския, глаголати и писати учился довольновременно в славней парижстей академии, искусен бысть в риторике, логике, философии и богословии; знал языки латинский, греческий, еврейский и славянский”*.

Неведомы пути, которые привели этого француза в самое большое по размерам в то время государство в мире, воспитанника парижской Сорбонны, современника кардинала Ришелье, в леса под Вязники. Но именно там Вавила, “вериги тяжелые на себя положив”, довел до крайности взгляды своего учителя Капитона и проповедовал впоследствии массовое самосожжение — деяние несовместимое с догматами даже самых изуверских религий (23.стр.6). Сколько чистых душ развратил он своим «учением» и направил в огонь? Счет на тысячи...

У образованной же русской церковной элиты были и другие основания относиться с подозрением к греческому благочестию и греческому правоверию. *“А нынешние книги, что посылал покупать Никон патриарх в Грецию, с которых ныне zde переводят, словут греческие, а там печатают те книги под властью богоотступного папы римского в трех градах: в Риме, в Париже и в Венеции, греческим языком, но не по древнему благочестию. Того ради и zde нынешние переведенные со старыми несогласны государь, и веля смута”* — писал царю Алексею Михайловичу дьякон Федор (Иванов) (А.В.Карташев.Т.2.стр.161). Но новизна (т.е. послабления в строгости Устава) при активной поддержке части светской власти и знати торжествует. Служба по полному Уставу, да при единогласном пении шла не менее 6 часов. Так что сторонников церковной реформы было предостаточно. Как похож враг в действиях на умы элиты: *«Во всех православных странах одно и то же, только в Москве не так. Значит, здесь ошибки, и здесь их надо исправлять»* — радостно вопили они. Протопоп Аввакум дает верное определение затеянной церковной реформе: *“...никонианская вера и устав не по Богу, но по человеку”* (5, стр. 117), что вкрапывая в новый церковный устав греческие удобства и новшества, перекраивая сохраняемые и завещанные Отцами Церкви служебные ритуалы, христианин, идя по жизни, теряет в духе и вере, а главное — в своем посмертном существовании: *“Душе моя, душе моя, восстани, что спиши! Конец приближается, и хоцещи молвати. Воспрями убо, да пощадит тя Христос Бог, иже везде сый и вся исполняяй. Душе, я же zde — временно, а я же тамо — вечно!”* (5.стр.50).

В десятках тысяч церквей миллионы прихожан сотни лет слышали слова молитв, привычных, с детства заученных на память. И вдруг эти слова, порядок слов и традиционный ритуал меняются! Психика с трудом приспосабливается к подобным переменам. Добавление или выпадение некоторых слов в молитве воспринималось как нечто очень досадное и тревожное, как фальшивая нота в знакомом напеве.

Много позже, уже будучи в заточении, Никон уже по другому смотрел на результаты своих деяний: *«Мню, яко ни один архиерей, или пресвитер, останется достоин, яко мы вемы»*. По мнению Никона, после останова им патриаршества не только архиереи и все духовенство на Руси стало более чем сомнительно и сами храмы Божии теперь уже не настоящие храмы. И что тут больше, его гордыни или апокалептики, которую он когда-то горячо обсуждал с друзьями, нам неизвестно.

Одной из самой известной противницей реформ была сродница царя — боярыня Морозова, посаженная в тюрьму вместе с сестрой княгиней Урусовой за свое твердое нежелание поступить в веру. До нас дошел уникальный документ датированный летом 1672 года — разговор патриарха Питирима с царем Алексеем Михайловичем, в котором упоминается и в какой-то степени характеризуется царевич Михаил: *“Советую я тебе, великий государь, боярыню ту Морозову вдовицу — кабы ты изволил опять дом ей отдать и на потребу ей дворов бы сотницу крестьян дал. А княгиню (Урусову) тоже бы князю отдал, так бы дело-то приличнее было. Женское их дело; что они много смыслят! А об них многие знатные особы всего московского государства соболезнуют, и это тебе, царскому величеству, не на корысть живет, а тебе же в убыток. Да и сынок твой родной, **царевич Михаил**, соболезнуя оным сестрам, частенько-таки, сказывают, к ним заезжает посмотреть сквозь решетку на их мученичество и слушает их с умилением: удевятеде меня ваше страдание; одно только смущает меня: не знаю — за истину ли вы терпите”* (7, гл. 11). А ведь тогда, согласно всем историческим данным, у царя в живых были только два сына — 11-и летний Феодор и 6-и летний Иоанн. Никак они не подходят для лица из приведенного документа. Но этот документ никак не может быть фальшивкой! Мы прекрасно знаем, что историк Соловьев, предоставивший документальные материалы своему другу-писателю Мордовцеву писавшему роман «Великий Раскол», никогда не пользовался неоригинальными документами. Отрывок этого документа Соловьев у себя в «Истории» уже приводит в урезанном виде. Чувствуется, что профессор богословия Субботин Н.И. в то время многое знал и у него, видимо, был тайный приказ императора Александра II, — не допустить проявления истины. В этом свете я вижу его яростную полемику со своим коллегой и блестящим исследователем старообрядчества Каптеровым Н.Ф.

В то далекое время политических партий не существовало, бились друг с другом по родовой принадлежности. Воевали тайно и явно: себе на власть и живот, а другим во вред и даже на смерть. Вместе с молодой женой к корму и власти государственной пришел ее “худородный” и “голодный” род Нарышкиных, который, (как когда-то и сам род Милославских в 1648 году и следствием чему был “соляной” бунт — умели бояре бунты устраивать), стал занимать в государстве те позиции, которые были уделом и доходом, родовой гордостью Милославских и которым такие потери были совсем не по нраву. У рода Милославских, потерявших право прямого общения с царем, в борьбе с родом Нарышкиных достаточно весомой и серьезной защитой и опорой в их интересах был наследник русского престола и любимейший царский сын — царевич Михаил. Но не долго он им мог помогать. Очарованный молодой женой царь Алексей Михайлович практически не вникал в происходящее вокруг него. Не вынеся неправды, злости и зависти круживших около государственной кормушки, сам вытесненный от всех государственных и хозяйственных дел, царевич Михаил тайно, в метельную ночь бежал из столицы, от греха подальше.

По моим расчетам, это событие произошло весной 1673 года, обязательно перед самым вскрытием рек. Благословение (что было для того времени обязательным условием) на побег им было получено скорее всего от находящегося в заточении протопопа Аввакума. Вместе с благословением царевич Михаил получил и план побега. Несгибаемый противник церковных

реформ, слепо проводимых под копирку и диктовку “просвещенной заграницы”, близко знавший всю царскую семью, прочувствовал состояние царевича, будущего правителя Руси, восхотевшего в уединении, среди своей библиотеки самому разобраться в сути церковного противостояния раздирающего страну. Понимая всю опасность, какой может подвергнуться молодой наследник, тайно, без разрешения родителя покинувшего дом, протопоп Аввакум может быть надеялся, что “тишайший” царь серьезнее задумается о своей ответственности перед Русью, пересмотрит свое отношение к проводимым церковным реформам и прислушается к доводам их противников. Позже Аввакум уверенно напишет обращаясь к царю: *“Сын твой после тебя распустит же о Христе всех страждущих и верных по старым книгам в господа нашего Иисуса Христа. На 6 соборе бысть же сие, — Константин Брадатый проклявшие мучителя, отца своего еретика, и всем верным и страждущим во Христе живот даровал. Тако глаголет дух святой мною грешным, рабом своим: и здесь тоже будет после тебя!.. (5.стр.84)*

Люблю я тебя, право, сие сказал, а иной тебе так не скажет, но вси лизнут тебя, — да уже слизали и душу твою!.. Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничтожай ево и в церкви и в дому, и в пословицах” (5.стр.83).

Вначале, чтоб сбить погоню со следа, путь побега царевича Михаила шел в направлении к восставшим соловецким монахам, активно не принимавших церковной перестройки, но потом направление побега было изменено. Возможно именно поэтому летом 1673 года стрельцы отказываются атаковать Соловецкий монастырь, а воевода Иевлев запросил у государя отстранения его от командования. Назначенные же к новому воеводе Мещеринову опытные русские военначальники под разными предлогами отказываются от службы и власть посылает вместо них иностранных наемников(3,стр.343). А известный в те времена дьякон Игнатий Соловецкий утверждает, что рать, осаждавшая обитель, состояла из «немцев и поляков, истинных латынцев». Хорошо, что здесь нет позора русского воина.

Вот что пишет Нижегородский летописец: — «23 апреля 1673 года в Нижнем Новгороде и в нижегородском уезде появилась на небе громадна черная туча, разразившаяся сильным градом, в иных местах выпало много снега, который покрывал землю в течении четырех суток. Ночами, таясь случайного глаза, по готовому вот-вот вскрыться руслу Волги, санный поезд с беглецами направился к устью реки Керженец мимо Городца, Нижнего Новгорода, мимо Макарьевского монастыря со спящей охраной, чтоб по петляющей лесной реке добраться до укрывающихся с 1657 года в лесной глухомани, близ озера Светлояр, от мира и греха знатных родовитых, очень образованных по тем временам монахов-отшельников инока Ефрема Потемкина и игумена Сергея Салтыкова, основателей двух раскольников обителей (совр. урочища Смольяны и Шарпан) (9.стр.166).. Позже туда переселился священник Дионисий из города Шуи. Богатые родственники по мере надобности посылали им обозы со снедью, обменивались письмами, которые часто были зашифрованы. Среди них и был спрятан от царских соглядатаев и доносчиков царевич Михаил. Предполагалось на время, а получилось на века.

Разгневанный и оскорбленный царь-отец (для тех времен позор небывалый, чтоб сын ослушался отца) вместо прощения вскоре лишает беглеца как бы прав на престолонаследие, что уже было нарушением Клятвы 1613 года: *“1 сентября 1674 года (тогдашний Новый год) государь объявил старшего сына своего, 13-летнего царевича Феодора: на Красной площади, на действе оказывали государя царевича всему Московскому государству и иноземцам. В тот же день смотрели царевича в Архангельском соборе иноземцы: сыновья гетмана Самойловича и посланник литовский. Государь послал к ним боярина Хитрово объявить царевича и сказать: “Вы видели сами государя царевича пресветлые очи и какого он возраста: так пишите об этом в свои государства нарочно”(10.т.12).* В некоторых источниках, дабы объяснить появление этого странного объявления старшего сына “специальным действием”, дату скоропостижной, неожиданной смерти царевича Алексея (называемого поэтому в некоторых современных исторических материалах — наследником), с 1670 года переносят на 1674. Кто бы задался вопросом и ответил, а зачем надо царю отдельным Указом назначать и объявлять

старшего сына, когда жизнь его и его семьи по сути была известна всякому живущему в те времена? По русским обычаям того времени отец есть полный хозяин над своим сыном и никто бы слова не сказал, если он сам не просто накажет его за проступок, но и казнит его. Потому не прощенный отцом царевич Михаил не мог сам вернуться в столицу.

Возможно царь поверил, что сын спрятался в восставшем Соловецком монастыре и, может еще и потому он, не жалея сил и средств, не видя собственного позора, пытался так упорно взять этот далекий северный монастырь солдатской силой. Есть ли еще в русской истории церкви такая позорная страница — штурм православного монастыря по приказу русского царя, обороняемого русскими же монахами, стоящих насмерть за староотеческую веру, за чистоту русского православия с 1667 по 1676 годы! (Понадобилось 300 лет и больших архивных исследований, доказавших правоту противников церковных нововведений, что не русская церковь накопила в себе догматические ошибки, а греческое православие потеряло свою первоначальную чистоту и, на основании этих исследований в 1971 году официальная церковь тихо признала законность “старых обрядов”). Профессор духовной академии Н.Ф. Коптерев писал еще в конце прошлого века: *“На вопрос: кто же, в таком случае, и когда испортил наши древние церковные чины и обряды, которые потом Никону пришлось исправлять, мною был дан такой ответ: древние наши чины и обряды никогда никем у нас не искажались и не портились, а существовали в том самом виде, как мы, вместе с христианством, приняли их от греков, только у греков некоторые из них позднее изменились, а мы остались при старых, неизменных, почему впоследствии и явилась рознь между московскими чинами и обрядами и позднейшими греческими”* (3, стр.508). Силой были навязаны изменения в “Символе Веры”. Эта сакральная молитва, состоящая из 12 предложений, до изменений имела ровно 700 букв, как 700 лет от крещения Руси, как бы предопределяя 700 лет своей неизменности.

Проникнувшие враги русского православия в доверие к “тишайшему” царю сделали все, чтобы уменьшить мистическую силу православного обряда, засорить неприметными “вирусами” будущего материализма саму Православную Веру. Знавшие несказуемые всякому тайны Священного Писания были последовательно уничтожены, вследствие чего вера оказалась в какой-то мере урезанной и не потому ли впоследствии русская знать пошла с таким удовольствием в тайные общества, в масонство. В 18 веке Пушкин уже уверенно утверждал, что у русских потому нет своей философии, что у них не было своего сакрального языка. Ошибался выходит великий поэт. Церковно-славянская грамота была глубоко сакральной, как и вся церковная символика. И потому выводом внесения изменений в Православную Веру в 17 веке в конце концов стала революция 17 года и расстрел царской семьи 17 июля. Вообще не могу понять, как могут осуждать иные современные церковники патриотов-староверов, насмерть стоявших в той православной вере, какой она была 700 лет в истории Руси и звавшейся уже тогда Святой Русью, да так и оставшейся там, за церковными реформами греческих авантюристов и зазнавшегося в своей божественности второго царя из рода Романовых.

Очень красочно описывает и характеризует протопоп Аввакум своих противников, активных сторонников церковных нововведений: *“Мудрены вы со дьяволом! Нечего рассуждать. Да нечева у вас и послушать доброму человеку: все говорите, как продавать, как куповать, как есть, как пить, как баб блудить, как робят в олtare за афедрон хватать. А иное мне и молвить тово сором, что вы делаете: знаю все ваше злохитрство, собаки, бляди, митрополиты, архиепископы, никонияна, воры, прелатаи, другие немцы русския”* (5, стр.69).

До нас дошли письма-наставления протопопы Аввакума любимому ученику нижегородцу Симеону (Сергию) Крашенинникову, которые на самом деле, по тайному замыслу, предназначались царевичу Михаилу на Керженец и к которому он обращается удивительно нежно и тепло: *“Чадо богоприимче!.. Ну, Симеонушко, вот тебе вести. Однако ты приказываешь: “батюшко, отпиши что-нибудь!” ...Нарядна вор-блядь; в царской багряннице ездит и из золотой чаши подливает (Апокалипсис 17, 3-6). Упоила римское царство и польское, и многия окресные веси, да и в Русь нашу приехала во 160 году (7160 году Никон-патриарх), да царя с царицей напоила: так он и пьян стал; с тех мест не проспится;*

беспреданно пьет кровь свидетелей Иисусовых (По Кирилловой книге — через 1000 лет от Р.Х. совершилось отпадение римской церкви в “латинство”, через 600 лет Западная Русь отпала в унию, а через 60 лет той же участи должна остерегаться Русь). Ну, разумеете ли про жену ту, чада церковные? Всякая ересь блядня глаголется...

...Беда миру бедному пришла! Не пить чаша — в огонь посадят и кости пережгут, а пить чаша скверная сия — в негасимый огонь ввержену быти в век нескончаемый в плач..

...Так же и русаки бедные, — пускай глупы! — ради: мучителя дождались, полками во огонь дерзают за Христа, Сына Божия, света. Мудры блядины дети греки, да с варваром турским с одново блюда патриархи кушают рафленные курки. Русачки же миленькие не так: во огонь лезет, а благоверия не предает ...”(5, стр.134).

Вполне вероятно, что и само “Житие”, “Книги бесед” и “Книги толкований” также предназначались для поучения молодого царевича на Керженец. (Взять хотя бы начало “Жития”, где протопоп Аввакум вспоминает исповедь молодой грешницы и способ унятия блудного огня — вроде похоже на ненавязчивый совет молодому и одинокому мужчине).

В ночь с 20 на 21 января 1676 года воевода Мещеринов воспользовавшись планом монаха-изменника Феоктиста захватывает спящий Соловецкий монастырь. “*Что ты величаешься и высишься*, — спокойно говорил перед казнью архимандрит Никанор воеводе, — *я не боюсь тебя, ибо как духовник и самодержца твоего душу в руке своей имею*”. Расправа над непокорными соловецкими образованнейшими монахами, цветом русского монашества и русского православного духа была жесточайшей — живьем на крюки под ребра подвешивали, живьем в лед вмораживали. Мало кто спасся. «...мучение же святых страстотерпец, новых исповедников соловецких, иже пострадаша в лето 7184, месяца геньваря в 20 день, в субботу мясопустную, коликѣства же их 300 и множае, инии же глаголют пятьсот». А с субботы на воскресенье, в 4 часа ночи 30 января 1676 года в муках, гное и струпьях, скончался 47-летний “безумный царик” Алексей Михайлович. Тайной покрыто, кого на самом деле благословляет на царство перед своей смертью “тишайший” государь, но в некоторых источниках проскальзывает, что только энергичность и темперамент молодой царевны Софьи, “организовавшей” присягу бояр своему младшему брату Феодору не позволили нарышинско-матвеевской партии провозгласить на царство 4-х летнего Петра (14, стр.67). И тогда царем на Руси стал 15-летний Феодор, а правителем государства назначается пока боярин Матвеев. Что на Руси было принято не всеми покорно, особенно теми, кто понимал, что по закону и совести, по Клятве 1613 года ими должен править полный здравия старший царский сын Михаил Алексеевич — Бог даст Руси будущего царя в старшем сыне живущего. Те, кто активно не принял законность правления царя Феодора, стекаются к месту отшельничества Михаила — в керженские леса близ озера Светлояр. Неподалеку построили свои скиты спасшиеся от жестокой расправы соловецкие беглецы: старцы Арсений, Софонтий, Онуфрий. К осени 1676 года основан Анфисой Колычевой, родственницей святого Филиппа митрополита, на берегу Керженца богатый Оленевский скит, куда съезжается недовольная знать, образуя подобие царского двора. Не единицы, тысячи, десятки тысяч потянулись в Керженское Заволжье. Переезжали целыми селами. А туда, к отверженному государю, шла не худшая часть Руси. Началось строительство “невидимого града Китежа”, мостилась гать, рубилась “батыева” тропа в сторону Городца-Малого Китежа. Ведь в самом деле началось строительство духовного государства в государстве светском! Количество переселившихся тогда на Керженец дворянских и крестьянских семей в десятки раз превышало по своей численности живущих в самом городе Нижнем Новгороде. Я нашел данные, что в самом Нижнем Новгороде числилось до 10 тысяч жителей, а во времена «питиримова зорения» в 1719 году на Керженце официально насчитали 48 тысяч.

Никто не знает, что пережил отверженный наследник русского престола Михаил Алексеевич, когда до него в зимнюю ночь пришла двойная горькая весть — смерть отца и как бы по его воле восшествие на престол брата Феодора. Никак он не думал, что его жизнь повернет именно в эту сторону. Всю его жизнь его готовили на русский престол и он ответственно готовился к мудрому правлению, а тут теряется вмиг весь смысл жизни прошлой

и жизни будущей. Пережив тяжкое известие он не захотел возвращаться в отвергнувшую его Москву, решив остаться жить в лесу простым человеком. Взрослый, 27-летний мужчина, будучи холостым, после смерти родителей, по русскому обычаю, он уже мог сам решать свой семейный вопрос, не спрашивая уже ничего разрешения. В Москву пишется письмо, что хочет жениться, пусть ему сосватают невесту. Стать его женой согласилась племянница боярыни Морозовой — Анастасия Урусова. Протопоп Аввакум пришлет ему свое благословение: *“Моли Бога о мне и всем заповеждь. И Настасья, хотящая быти ц(арица), пускай молится о мне. Смешница она, Сергей, хочет некрещенных крестить! Я говорю: во-то, реку, а девая хочет, яко Иудифь, победу сотворить. Материн большо у нея ум-от. Я ея маленьку помню, у тетушки той в одном месте обедывали. Бог ея благословит за великова и честнова жениха!”* Благословляет он и невесту с сестрой:

“...Слушайте-тко, Евдокея и Настасьюшка, где вы не будете, а живите так, как мать и тетка жили”(5, стр.171). Фраза «где вы не будете» явно говорит о месте тайном. Вообще самым популярным выражением в письмах между староверами тогда было: — «Тайну цареву добро есть хранить».

Повод для своего исторического забвения дал сам Михаил, совершив самую тяжелую и непоправимую ошибку в своей жизни. Наблюдая на успешное начало правления своего младшего брата и поверив в его будущее успешное царствование и его долгую жизнь, Михаил пишет ему секретное письмо, в котором ему сообщает-подбадривает, что у него нет в желаньях мешать его царствованию, тем более лишать его престола силой, пусть смело правит не оглядываясь на него. Неопытный Феодор жестоко обошелся с этим письмом, не сожжа его сразу после прочтения, как полагалось по правилам, а делится с содержанием этого письма со своим ближайшим окружением, которое с 1679 года составляли Иван Языков и Алексей Лихачев, тайных сторонников Матвеева, понимая ли, что написанное ему братом приравнялось к официальному отречению Михаила от престола. Беда всех добрых людей — им трудно просто подумать, что низость рвущаяся к власти воспользуется любым предлогом, любой зацепкой, любой ситуацией, дающей ей хоть какой шанс для достижения своих честолюбивых замыслов. Именно письмо Михаила царствующему брату спускает с поводьев вожделения тех, кто его еще побаивался. В то время боярин Матвеев был в ссылке с сыном в Пустозерске, куда он попал по подозрению в отравлении царя Алексея Михайловича и в попытке дворцового переворота в пользу рода Нарышкиных. И думаю, что в доносе, по которому увлекающийся черной магией Матвеев был отправлен в ссылку, есть доля правды: *“Он показывал, что остаток лекарств после государя выпивал; но близкие люди, ходившие за государем, объявили, что не выпивал... А один лекарь донес, что лечил у Матвеева его карлика, который жаловался ему, лекарю, что болен от господских побоев, что раз он заснул за печью в палате, в которой Матвеев с одним доктором читали “черную книгу”, и во время чтения в палату пришло множество злых духов, и они указали боярину, что у них в покое есть третий человек; тогда боярин вскочил и, найдя его за печью, сорвал с него шубу, ударил его оземь, топтал ногами и выкинул за двери замертво... Доктор, доносивший об этом, прибавил от себя, что и сам он видел, как Матвеев читал “черную книгу” и что грек-переводчик по этой книге учил самого Матвеева и сына его Андрея”*(13, стр.344).

И вот этот многоопытный Матвеев начал через верных ему бояр плести новую интригу. По настоянию Московского патриарха Иоакима, ставленника Матвеева, царем Феодором было повелено пустозерских страдальцев: «За великия на царский дом хулы сжечь их». Это было исполнено в Пустозерске в страстную пятницу 1 апреля 1681 года (22, стр.381), эта же дата указывается и в «Винограде российском». В заранее приготовленном срубе заживо сжигается вместе с выдающимися проповедниками старообрядчества: Лазарем, Феодором и Елифанием протопоп Аввакум — тайный духовник опального Михаила. И тем самым как бы давая понять тому, что он уже для властвующих в Москве — никто. В этом же, 1681 году, в середине лета неожиданно, на третий день после родов, умирает молодая царица Агафья Петровна из польского рода Грушецких, и, спустя неделю, — новорожденный царевич Илья. Используя малоопытность царя Феодора было начато в январе 1682 года казалось бы прогрессивное, но

так необходимое для рвущегося к полной государственной власти незнатного Матвеева беспощадное уничтожение *“богоненавистного, враждоотворного и братоненавистного местничества”*. Конечным результатом в уничтожении местничества, медленным вирусом разрушавшего родовую ответственность и родовую взаимовыручку русской аристократии, явилось постепенное превращение, разложение нас в *“иванов, непомнящих родства”*. Составной частью русской жизни было знание не только своих родовых корней с глубины веков, но и знание всех близких и далеких родственников. Когда сходились на улице два незнакомых человека, обязательно начинали перебирать всех своих родственников, пока где-нибудь вдалеке обязательно их родня не перекрещивалась; обрадованные встречей *“родственники”* обнимались, целовались и радостно шли в кабак. Вся Русь представлялась большой семьей во главе с Государем — прямым представителем Бога на земле (Русь земная — микрокосм России Небесной). Если же простой народ держал всю свою родню в своей не перенасыщенной *“знаниями”* памяти, то **русская знать вела с испокон веков свои родовые корни и связи в так называемых разрядных книгах, которые и были все сожжены** по жестокому царскому Указу (теперь мы видим, что за этим Указом явственно просматриваются интересы каких Сил). За медленным разрушением русских аристократических родов, последовало постепенное разрушение и превращение русского на-рода (род накладывается на род) просто в сб-род (изганные из рода собравшиеся в шайки выродки). Лукаво оправдывая положительные стороны уничтожения местничества (и знакомо обсмеивая старые русские порядки), будто бы мешающего талантливому и незнатному добиться положения в государстве, почему-то забывают, что нижегородского крестьянина сын, ставши патриархом Никоном, в отсутствии царя очень даже успешно правил Русью. Царицей могла стать любая незнатная красивая девушка, понравившаяся царю. Незнатными были и талантливый государственный деятель Ордин-Нащекин и правивший Русью в конце жизни царя Алексея Михайловича и позже *“чернокнижник”* Матвеев. **Местничество мешало войти во власть высшую не сколь талантливым и честным, а сколь талантливым авантюристам без понятия чувства Родины во времени будущем (выродкам)...** Тайной стороной на удивление жестокого Указа борьбы с местничеством просматривается, прочитывается для будущего забвения и строгосмертельное запрещение упоминания имени **Михаила Алексеевича Романова**. Мои исследования говорят, что не простой был этот Указ, а Указ-заклятье и сила этого черного заклатья подготовленного чернокнижником Матвеевым была обрядово утверждена. (Патриарх Никон в свое время, в 1660 году так же проклял царя со всем семейством и обрядово утвердил свое проклятье. Он отслужил особый молебен, при этом одну царскую грамоту положил под крест и образ Пресвятыне Богородицы на аналое посреди церкви, а по окончании молебна начал возглашать клятвенные слова, выбирая их из известного 108 псалма, относящемуся к Иуде-предателю (23, стр.43)). О злоупотреблении в то время магией и оккультизмом и веру в их практические результаты говорит хотя бы царский Указ 1682 года об образовании в Москве Славянско-греко-латинской академии и где говорится, что если в академии окажутся учителя владеющие магией, то вместе с учениками они *“яко чародеи без всякого милосердия сожгутся”*. Если посмотреть на историю во времени, то можно заметить, что в царском роду Романовых уже не было правителя под именем Михаил и только Павел I осмелился сломать негласную традицию и назвать одного из своих сыновей этим именем и то, по легенде, по указанию святого старца.

Подписав Указ с последующим церковным заклатьем царь Феодор подписал смертный приговор самому себе. Он становится ненужной фигурой в раскладе нарышкинско-матвеевской партии и умрет в 13 часов дня 27 апреля 1682 года, через два месяца после собственной женитьбы на Марфе Матвеевне Апраксиной, родственнице Языкова, крестнице боярина Матвеева. Первым делом после бракосочетания было возвращение из ссылки этого боярина; ему были возвращены его имения, как человеку, ни в чем не виновному и оклеветанному. Молодая царица примирила также царя с Натальей Кирилловной и царевичем Петром, с которыми он не ладил. Если молодая царица сумела уговорить в нужном направлении молодого мужа, значит тогда он еще как мужчина был вполне здоров. Как

говорится в народе: — «Ночная кукушка завсегда дневную перекукует». Смерть молодого 21-летнего царя была столь неожиданной, что он даже не успел сделать распоряжения о своем преемнике.

Не без тщательного и продуманного старания старообрядцев до сих пор в учебниках и книгах сожжение Аввакума перенесено на страстную пятницу 14 апреля 1682 года, дабы связать неожиданную кончину царя Феодора с казнью сторонников древнего благочестия. Таким образом как бы смерть Феодора являлась закономерной, неумолимой Божьей карой за грех жестокой казни пустозерских страдальцев, как и скоропостижная смерть «тишайшего» царя Алексея Федоровича привязывалась вождями сторонников древнего благочестия к жестокой казни соловецких монахов. Я задумывался, а почему Аввакум был сожжен именно в страстную пятницу, в день недели мук Господних. И пришел к заключению: после того, как царем была подписан Указ о казни, то она становилась неминуемой. Аввакумовы сторонники смогли своим влиянием в государстве только выбрать день казни. А лучшего дня, чем страстная пятница, они просто не могли подыскать во всем году. Весть о казни в такой символический день не смогла не повлиять на чувства простых верующих.

Опять, как в 1676 году, в обход следующего по возрасту 16-летнего царевича Иоанна, нарышкинско-матвеевской партией, в которую входил и полуграмотный патриарх Иоаким, вновь на трон провозглашается 9-летний Петр и опять правителем Матвеев. Все вроде предусмотрел многоопытный Матвеев, коварно расчищая **себе** путь к вершине власти, кроме малого пустяка — мнения простого люда. (Согласимся, что очень подозрительно выглядит смерть еще молодого царя Алексея Михайловича почти одновременно со взятием Соловецкого монастыря. Возможно узнав, что его окружение все эти годы обманывало его о местонахождении сына (а оно скорее всего знало, где он скрывается), он бы пересмотрел свое отношение как к сыну и обязательно простил бы его, так и к своему окружению, что нарышкинско-матвеевской партии было смерти подобно). Возмущенные стрельцы подняли свое жестокое восстание 15 мая и успокоились 29, провозгласив царицей Софью. Потом они отпишут ей, кто и за какие грехи ими были наказаны: *“А боярина Артемона Матвеева, и Данилы дохтура, и Ивана Тутмеша, и сына его Данилова побили за то, что они на наше царское пресветлое величество злое отравное зелье, меж себя ставая, составили. И с пытки он, Данило жид, в том винился”* (12). Потом историки петровской эпохи раскрутят миф, живущий до сих пор — о пораженных странной болезненностью царей Романовых-Милославских Феодора и Иоанна, дабы оправдать чистоту и законность престолонаследия Петра Романова-Нарышкина, 15-го отпрыска своего родителя. Да, Феодор и Иоанн были больны, но больны ли по рождению... Увлекались на Руси ядами, увлекались и не меньше, чем в «просвещенной» Франции.

Весенняя распутица не дала старообрядцам слишком быстро донести весть о дворцовом перевороте в Керженское Заволжье, чтоб предпринять согласованные с Михаилом действия (и это Матвеевым было предусмотрено). В запоздалом письме Михаила младшей и любившей его сестре царевне Софье было два предложения: передать власть ему, как единственно законному наследнику и, если она откажет ему в этом, то пусть разрешит спор о вере на Лобном месте, на Красной площади, где по тайному замыслу защитников древнего благочестия вступить в спор должен был сам Михаил Алексеевичем, чтоб после показа его перед народом в своем уме-разуме **возвести уже его миром , бескровно ,** на законное царство.

Летописец и сторонник Софьи монах Сильвестр Медведев запишет в духе своего времени о послах Михаила: *“Таже подаша ей, государыне, писанную Великим Государем челобитную, глупства своего и лживословия полну, самую воровскую, безимянную и беззаручную...”* (12) — никак нельзя под страхом смерти иметь какой-либо документ с именем Михаила Алексеевича. Здесь он, не подписываясь, попросту подстраховывает своих посланцев от возможных неприятностей. Недруги, не обращая внимания кем послана грамота, могли сослаться на тайную (устную) часть последнего Указа царя Феодора и казнить послов. Но неприятности сторонников законного государя так их и не обошли. Их план, так тщательно продуманный, не был принят уже не принимавшей своего брата, забывшей Бога и Соборную Клятву

преимущества верховной власти царевной Софьей и родом Милославских ни по какому вопросу: “... *Что от их такова мятежа не унимаете?! Аще ли тако нам в порабощении быти — то к тому уже (с их) благочестивым царем и нам zde жити невозможно!..*” (12). Исторический, предательский выбор был сделан.

Историки, не зная глубинных течений “раскольников” движения, этот момент в русской истории замечают вскользь: что-то раскольники летом 1682 года шумели вместе с князем Хованским — главой московских стрельцов, да их быстро успокоили. Предали на свою голову стрельцы заговорщиков, купились на гроши и бесплатные угощения. Главному послу великого государя Михаила и духовному главе старообрядцев, протопопу Суздальскому “*Никите, 11 июля месяце отрубили голову на Красной Площади*”, князей Хованских, открыто вставших на сторону великого государя Михаила, казнили в сентябре. А ведь верят по наивности многие сейчас, что князь Хованский заговор со старообрядцами организовал для себя. Только человек без веры и без знания того, какого духа тогда были староверы в то страшное время могут верить в то, что они могли в то время открыто пойти против Клятвы русского народа 1613 года.

Велик, видать, был страх церковной верхушки и московской знати, уже меняющей русское платье и примеривающей немецкое (вспомним, что русская знать через сто лет вообще разучится говорить по-русски, великий Пушкин только после нашествия Наполеона стал изучать русский язык), перед великим государем Михаилом Алексеевичем, сторонником русского пути развития российского государства. Не нужен им был трезвый, волевой, самостоятельный, грамотный и богобоязненный государь! Не укладывалось в их чванливых головах, что сколько его не уговаривали его сторонники, не хотел он на крови занимать свое законное место и по бедности душевной принимавших его духовность за глупость и физическую несостоятельность. Михаил Алексеевич, верящий в приход времен апокалипсических, был глубоко убежден в невозможности творить грех в полном религиозном смысле этого слова. Не понять его было волкам, готовых за власть и корм перегрызть друг другу глотки. Да, испытательное было время...

В правлении же царевны Софьи был оставлен в силе Указ о не упоминании ни при каких условиях имени старшего царского сына Михаила Алексеевича, заживо вычеркивающий его из списков живущих, многократно были усилены гонения на его сторонников-старообрядцев. Пришедший через дворцовый переворот к власти Петр, при всей широте своих взглядов по поводу свободы совести, принимает только к “раскольникам” поповского согласия свои железные меры. Палач и дыба ждали всякого неосторожного об упоминании имени опального сына царского: боярам головы рубили и языки резали, а что говорить про простой люд, у которого хребет всегда был в натянутом состоянии. И все тогда молчали, боясь за себя, за своих детей, а сейчас вообще забыли. Вырезали и у истории язык правды...

Предполагаю, что до 1707 года Петр I дотерпел независимую жизнь своего старшего брата (в этом году умирает влиятельная сестра Михаила — Марфа), вокруг имени которого собралось десятки, сотни тысяч активно не признающих Петра за законного государя и потому неподвластных ему людишек, так необходимых ему для государственных переустройств. Убирается лояльно относящийся к старообрядчеству и враждебный Петру нижегородский митрополит Исая, а на его место назначается митрополит казанский Сильвестр (некоторые источники указывают дату этой перестановки на год позже), В керженские леса на розыски старшего брата раздраженным Петром посылается военный отряд с игуменом Переславского Никольского монастыря Питиримом, как родившегося и выросшего там, в семье и среде раскольников.

Как бы в ответ на решение Петра восстает раскольниковый казацкий Дон во главе с Кондратием Булавиным, началась Крестьянская война, продлившаяся до 1710 года. Булавинское восстание не остановило Петра и его ратники с предателем Питиримом вышли зимой 1707 года к предполагаемому месту жительства государя Михаила Алексеевича. Никто из живущих на Керженце, кроме посвященных старцев и связанных не знал его в лицо, не знали, что он ведет жизнь со своей семьей как простолюдин, а не среди знатных в богатых во всем

обеспеченных скитах. Искали Михаила Алексеевича “огненным боем”, т.е. через пытки, убийства и разорение. Нарушая тайный уговор, глубоко встревоженный Михаил Алексеевич сам пришел к отцу Софонтию с братией с одной мыслью — как можно скорее что-то сделать во избежании новых невинных, но из-за него погибающих жертв. Им было выбрано одно — самосожжение. А ему, должно быть, были известны и знакомы многие из живущих на Керженце. Старцы отговаривали его от этого шага, убеждали, что между жизнью государя и жизнью простолюдина большая разница и не стоит ему так переживать за их преждевременную смерть, а невинно убиенные через муки свои войдут в Царство Христово. Прекрасно знали старцы и крутой нрав Петра и все понимали — живыми государь Михаил Алексеевич с семьей никак ему не нужны, не сулит свободная сдача свободной жизни. Потому-то и решился отверженный великий государь Михаил Алексеевич пойти на крайнюю меру — самосожжение (как мы знаем, царь Петр потом казнит после жестокой пытки в 1718 году собственного сына и наследника Алексея [названного в честь деда], который как бы повторяет попытку своего дяди, сбегая, несогласный с политикой отца, но уже за границу). Недалеко от озера Светлояра, близ села Владимирское, на берегу лесной речушки Кибелек бьет сейчас из под земли родничок — “*святой колодчик с могил сожженных*” — именно на том месте, где по моему мнению и произошло самосожжение великого государя Михаила Алексеевича с сыновьями.

Предвидел ли протопоп Аввакум, написав Михаилу в одном из писем: — “*А в огне том здесь небольшое время потерпеть, аки оком мгнуть, так душа и выступит! Разве тебе не разумно? Боишься пеци той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До пеци той страх-от, а егда в нея вошел, тогда и забыл вся...*” (5, стр.132) Этот фрагмент письма Аввакума почти дословно приведен в третьей части романа Мельникова-Печерского “В лесах” в легенде о старце Варлааме и его трех учениках, ушедших на самосожжение перед солдатами, но не повиновавшихся воле правителя. Кстати, старец Варлаам — единственное зашифрованное лицо на Керженце.

Мельников-Печерский указывает на место самосожжения в своем исследовании. Близ скитов Улангера и Фундрикова в Поломском лесу, что недалеко от озера Светлояр, на небольшой поляне стоял старый и просохший скит, возле которого 4 февраля (ст. ст.) 1708 года и произошла встреча великого государя Михаила Алексеевича с тремя старшими сыновьями и ратниками Петра. Перед тем, как факелом поджечь обложенный сеном скит и заложить за собой на засов крепкую дверь, Михаил Алексеевич, как великий государь, взял со всех ратников великую клятву — пусть пожалеют жену и трех младших сыновей и доложат царю Петру, что он сгорел со всей семьей у них на глазах. Как показывает наша история, ратники, пораженные таким исходом их похода, все до одного дававшие эту клятву, ее сдержали. А Петр-младший им поверил, т.к. считал своего брата за религиозного фанатика, отказавшегося по своей глупости от царства, от власти, от богатства.

В романе Мельникова-Печерского “В лесах” твердо утверждается, что на месте самосожжения старца Варлаама с тремя учениками долго стояли четыре креста, а угольки от пепелища, признаваемые за святые, разобраны местными жителями. Я был на этом месте. Кресты стоят до сих пор, рядом святой колодчик заботливо и тихо ухоженный местными жителями.

Такая необычная мученическая смерть великого государя Михаила Алексеевича не могла не потрясти православную Русь, еще сильнее утвердив в духе миллионы простых русских людей к приверженности вере староотеческой. В мае в Нижнем появились “воровские надписи”. На кирпичах Дмитриевской башни левкасным мелом было начертано крупными буквами: “*Быть бунту, что и в Астрахани*”. Такие же надписи появились в кремле, на заборах Приказа монастырских дел и стрелецкого головы. Воевода Никита Кутузов вместо того, чтобы уничтожить эти надписи, наоборот приставляет к ним охрану и докладывает о них царю. Не был, не мог быть воевода таким глупым, оставляя призывы к бунту на всеобщее обозрение в течении двух недель, значит была у него некая причина оставлять эти надписи, стоившая ему должности (9, стр.189). А по Руси крестьянские бунты прокатились повсеместно,

но были все жесточайше подавлены карательными отрядами Петра. Не потому ли гетман Мазепа как бы вдруг предает Петра и переходит в октябре 1708 года со своим войском на сторону предпринявшего поход на Русь шведского короля Карла XII. Почему Петр своему особенному другу Меньшикову приказал уничтожить всех оставшихся родных и близких гетмана, уж не боялся ли он распространения правды о смерти своего брата?

Но в Нижнем, в городе старообрядческом, бунта не было. Старцы постарались предотвратить его, дабы не навлечь гнев Петра I на нижегородскую землю, тайно скрывшую в недрах своих царский корень рода Романовых. Давайте согласимся, что под знаменем староверия тогда встала духовная элита земли Русской. А соглашатели и бытоулучшители на западный манер, а также бытовые конформисты рьяно проиняли церковную реформу. Предупреждая возможное клятвопреступление кого-нибудь из ратников, знавших об оставшихся в живых трех сыновьях великого государя Михаила Алексеевича, тайными руководителями старообрядцев были предприняты переселенческие мероприятия: ушел в пределы турецких владений большой отряд Игната Некрасова с семьями, снялись многие раскольники с керженских мест и ушли жить на Урал, на железный Верх-Исетский завод, на дачи Демидовских заводов... Ищи теперь, Петр, если сможешь, где спрятаны твои племянники, законные наследники престола русского по корню отца своего...

Как я понял, у Михаила Алексеевича было 6 сыновей. Именно так и можно расшифровать фразу из одной легенды о Граде Китеже, в центре которого возвышались 6 глав церквей, именно в этом ключе я вижу герб Нижегородского края, учрежденный в 1781 году: в серебряном поле гордо идущий **червлёный олень с рогами о шести отростках**. Где-то незадолго до учреждения герба Нижегородского ездил зачем-то к своему дальнему родственнику князю Таврическому керженский старец Игнатий Потемкин с древними бумагами. С этими бумагами была ознакомлена сама Екатерина Великая. Она же и придумала самолично новые дополнения и изменения в герб Нижегородский. А мы знаем, что цвет червлёный — есть цвет царский. С богатыми дарами вернулся из столицы раскольник инок в леса заволжские и построил обитель, прозванную впоследствии Игнатово (11). А ведь было в планах всесильного фаворита примирение государственной церкви с раскольниками, да странная смерть нагнала его на 52 году жизни.

Нельзя называть, согласно тайному царско-церковному Указу-заклятью, Михаила Алексеевича своим именем (крепко в то время верили в силу заклятий и проклятий), а поминать в поминальных молитвах как-то надо. Назвали его князем Болховским, как и корень его, взяв за основу в этой фамилии первые три буквы, которые при обратном чтении образуют слово “лоб”, а лоб, как известно, главная часть головы. Лобное место — место высших особ. (Лопухинский “синодик”, где **впереди царских имен** стояли царские сродники князя Болховские царский чиновник Мельников свидетельствовал как факт в 1853 году). А в уездном городке Болховске Орловской губернии в лето 1708 года вдруг приехавшая бригада строителей “с севера” к концу года выстроила богатую каменную церковь. Только теперь можно понять, в чью память она была так удивительно быстро поставлена.

Отцу Софонтию и его братии многие старообрядцы не простили благословения великого государя Михаила Алексеевича на самоожжение. Произошел раскол и в среде самих раскольников: 16 июня 1708 года, в Тихонов день, разделились они на два согласия: согласившихся с самоожжением — Софонтиево и резко его осуждающих — Онуфриево. Был в этот год Собор на Керженце сторонников старой веры. Перед вынужденной смертью оставил старцам Михаил Алексеевич свою недогматическую переписку с протопопом Аввакумом дошедшую до нас, но со множеством “странных” затирок некоторых слов и предложений, а также и свою царскую икону Казанской Богоматери, прозванную впоследствии Шарпанской. По старообрядческим легендам Шарпанская икона из покоев царя Алексея Михайловича была **подарена царем** старцу Арсению и которая привела его на Керженец чудесным образом из Соловков. Богатая библиотека Михаила Алексеевича скорее всего растворилась вместе с его вероятными потомками.

Керженские старцы понимали, что со временем имя великого государя Михаила Алексеевича при его жесточайшем государственно-церковном преследовании вскоре должно будет забыться, как оно и случилось в самом деле. Возможно, что в сохранении этой тайны были уже заинтересованы сами старообрядцы. Ни один прозорливый старец, ни одна прозорливая старица не приняли тогда проводимых церковных реформ. Но пошли гулять по миру рожденные в земле нижегородской, из среды старообрядческой, легенды, были и сказания, где в иносказательной форме был спрятан последний великий государь староотеческой Руси. Самой известной и знаменитой стала чарующая легенда о великом граде Китеже и его основателе — великом князе Георгии Всеволодовиче. Где историческая действительность одного времени плавно переплеталась с исторической действительностью другого, но уже в зашифрованном виде; где за монголо-татарским нашествием и ханом Батыем подразумевалось тлетворное нашествие на Русь западного влияния и его главный проводник — Петр I.

Обратимся к историческому документу вышедшему из старообрядческой среды и известный как “Китежский летописец”, в котором повествуется о жизни великого князя Георгия Всеволодовича. Историки предполагают время составления “Китежского летописца” в 80-90-е годы 18 столетия, хотя авторы летописца указывают конкретную дату его написания : *“Сию убо мы книгу летописец написали в лето 6753-го ...”*, т.е., приняв во внимание только последние три цифры, мы получим достоверную дату — в 1753 году.

И хотя в летописце звучит заклатьем строгое предупреждение: *“И всему нашему уложению ни прибавити, ни убавити, ниже всяко переменити, ни едину точку или запятую”*, все же один список начинается: *“В лето 6646 сентября в 5 день.”*, а другой *“В лето 6676 месяца июня в 12 день.”*

...И город тот Большой Китеж в длину был 200 саженей, а в ширину на 100 саженей, а город тот начали строить каменный в лето 6673 месяца мая в 1 день на память святого пророка Иеремии и строили тот город 3 лета”.

Историки, которым точно известна дата рождения исторического великого князя Юрия (Георгия) Всеволодовича (1188 год или 6696), несовпадение известных исторических дат с датами “Китежского летописца” приписывали невежеству старообрядцев. Совсем не обращая внимания на странное совпадение трех последних цифр допетровского летоисчисления, как начало строительства града Китежа в 673 году и его окончание в 676 с исторической действительностью другого летоисчисления, если убрать первую цифру. Начало одного летописца и начало другого указывают (приблизительно) как бы на начало и конец царствования царя Алексея Михайловича. В 673 году молодой царевич Михаил покидает Москву, чтоб поселиться на время недалеко от озера Светлояр. А в 676 году его лишают законного престолонаследия и он остается жить на Керженце навсегда, куда стекаются к невидимому государю тысячи его приверженцев. Провидение ли, но летом 1999 года, в самый почитаемый на Светлояре праздник, на Владимирскую, 6 июля, на самом высоком берегу легендарного озера была заложена часовня в честь Казанской иконы Божьей Матери на месте разрушенной во времена большевистского зорения и благословлена закладка ее самим митрополитом Нижегородским и Арзамасским Николаем и, открытие которой должно было состояться на Казанскую, 4 ноября 2000 года, но увь..., освящена она была лишь через год, на Владимирскую.

Странен по легенде и сухой, труднопроходимый таежный путь великого князя Георгия Всеволодовича к **озеру Светлояр**, странно и его желание строить каменный город в безлюдной и экономически невыгодной местности и эта странность должна привлечь исследователей старообрядческой летописи. Странно и то, что многие абсолютно уверены, что само озеро было создано провалившимся градом Китежем. Тогда где Китеж и откуда Светлояр? Только из легенды которую родили староверы. Добраться до Светлояра тогда можно только по лесной и страшно петляющей реке Керженец, а там еще 20 верст непролазной тайги. Только сплав по течению от тех мест до Волги на байдарке занимает 3 суток.

Странна и смерть великого князя Георгия Всеволодовича 4 февраля, не давшегося в руки врага, исчезнув вместе с городом Великим Китежем и став всеми невидимым. Над суммой всех этих странностей и стоило бы повнимательней задуматься и попытаться оторваться от временных рамок Батыева нашествия и войти в рамки времен реформ церковных “тишайшего” царя Алексея Михайловича и государственных Петра I.

Всеми историками бесспорно известна по разным летописям жизнь великого князя Юрия (Георгия) Всеволодовича, погибшего в смертельном неравном бою с монголо-татарскими войсками на реке Сити в понедельник 1 марта 1238 года (16) (4 марта 1238 года, согласно Тверской летописи, погиб плененный на Сити Василько Константинович ростовский) в сотнях верстах от таежной реки Керженец, где по твердому убеждению староверов погиб легендарный великий князь Георгий Всеволодович. Внимательный историк и любой церковный человек должен задаться вопросом: — «А был ли великий князь Георгий Всеволодович в святцах в 17 веке?» Известно, что открытие мощей князя Георгия Всеволодовича произошло в 1645 году и что благоверный князь тогда еще не был канонизирован, помешала смерть царя Михаила Феодоровича, хотя некоторые источники указывают на это время, как на время его канонизации. По моему предположению начало было положено, когда выходцем из Нижнего Новгорода образованнейшим монахом Тихоном была составлена в 18 веке авторитетная в церковной среде Латухинская Степенная книга, где там днем поминовения святого благоверного князя Георгия Всеволодовича, **вопреки летописным данным**, является 4(17) февраля. Так кого же на самом деле мы поминаем 17 февраля в церквях ежегодно? Я думаю, что все-таки за железной исторической маской китежского великого князя Георгия Всеволодовича скрывается великий государь Михаил Алексеевич! Предавший великого князя Георгия Всеволодовича и показавший путь батыевым полчищам к граду Великому Китежу Гришка Кутерма перекликается в корне своей фамилии с предателем Питиримом; в разговорной речи общее “тер” и “тир” звучит одинаково. Случайны ли все эти странности и совпадения?

В середине прошлого столетия царское правительство обратило серьезное внимание на проблему раскольников в России. Нижегородский чиновник особых поручений по вопросам раскола при министре внутренних дел П.И. Мельников в своих “Письмах о расколе” замечает:

“Раскол и раскольники представляют одно из любопытнейших явлений в исторической жизни русского народа. Но это явление, хотя и существует более 2-х столетий, остается доселе надлежащим образом неисследованным. Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, что такое раскол. Этого мало: девять десятых самих раскольников вполне не сознают, что такое раскол”. Вскоре Мельников становится первым авторитетом по расколу при царском правительстве, но его 3-х томные изыскания по расколу по каким-то причинам **становятся секретными**. Карьера его, провинциального чиновника, резко пошла в гору, в начале 60-х годов он уже переезжает жить в столичный Петербург. Думаю, что чиновник Мельников нашел великого государя Михаила Алексеевича, нашел ответ на вопрос, почему раскольников “10 миллионов в России, не одна сотня тысяч в Пруссии, Австрии, Дунайских княжествах, Турции, Малой Азии, Египте и, может быть, даже в Японии” и потому-то, может быть, и сопровождал в 1861 году цесаревича Николая Александровича (ум.1865) в его поездке по Волге.

Начав свою чиновническую деятельность как ревностный гонитель старообрядцев, со временем П.И. Мельников резко меняет свои взгляды на противоположные, становясь все более их защитником. В письме в министерство внутренних дел, посланном в 1866 году, Мельников пишет:

“...среда раскольническая, несмотря на религиозные ее заблуждения, имеет в себе немало хороших сторон... образованное старообрядчество внесет в нашу жизнь “новые” элементы, или, лучше сказать, “старые”, забытые нами от наплыва западных понятий и обычаев, не сродных ни русской земле, ни русской душе... элементы, подорванные Петром I...”

Думается мне, что русская знать была ознакомлена в какой-то части с секретными работами нижегородского чиновника Мельникова, о чем свидетельствует хотя бы либретто композитора Мусоргского “Хованщина” и работа его ученика Корсакова, как бы в продолжении тайной темы, под названием “Китеж”. Известнейший составитель русского толкового словаря В.И. Даль, проживший в Нижнем Новгороде с 1849 по 1859 годы и составивший здесь большую часть своего словаря, почему-то не захотел вставлять объяснение в нем слову “Китеж”. Похоже, что он знал истинное его значение и потому пропустил его в своей работе — лучше промолчать, чем налгать. Но нам уже известно, что и репринтные издания сейчас могут искажаться.

И резкая внутренняя метаморфоза чиновника Мельникова, я думаю, произошла именно оттого, что он понял истинную духовную причину народной массовости русского Раскола и который, по большому счету, был не только религиозно-династическим, но и **духовно-русским движением**. А то невероятное терпение, те невероятные гонения, ту невероятную приверженность к вере староотеческой миллионы простых крестьян выдержали не только благодаря проповедям активных сторонников древнего благочестия, но и потому, что был в их сознании миропонимания авторитет непререкаемый — отверженный, гонимый и принявший смерть мученическую законный для них великий государь Михаил Алексеевич. Забытый в миру, он как бы незримо всегда находился в среде старообрядческой, давая им силы выдерживать все гонения церкви и государства. Вот отрывок из письма, отправленного из Стародубья на Керженец в июле 1830 года: *“Истинные свидетели от наших христиан под клятвою уверяют, что в Персидской земле много обретается наших древлеблагочестивых христиан... имеют даже царя своего, благоверного и христолюбиваго. Егда Никон патриарх возвев на церковь всемрачную бурю и ересей море великое и пространное на Российское царство испустити, царь же Алексей Михайлович и весь синклит и вся вои во след онаго отца ересем пошли, тогда убо **старейший царевич**, царя Алексия Михайловича сынок, не восхотел отступить от истинно древней православной веры и крепко утвердился в староцерковном благочестии. И воздвиже на него царь гнев свой, и томлен бысть царевич во единой от царских палат, яко в темнице, обаче ни поколебати, ни ослабити его, ни к своим волеи преклонити не возмогша. **И бежа тот старейший царевич**, с благочестивыми стрельцами и казаками, за море, в Персидские страны. И устроил тамо благоверное царство...И до дней наших царский благочестивый корень тамо не изсяче”*. Замечательно, что изданная в 1831 году книжка г. Берха «Царствование царя Алексея Михайловича», в которой говорится о самозванцах-царевичах Алексее и Симеоне(!) Алексеевиче, разошлась в значительном числе экземпляров между старообрядцами. В любом ските или монастыре старообрядском можно найти эту книгу (11а).

Здесь есть вопрос, на который можно ответить, что легенда о тайном царе старообрядцев крепко жила среди них. Судьба свела меня с редакцией газеты из Сыктывкара «Вера-Эском», где родственница одного сотрудника, ныне покойная, пыталась найти следы тайного царя Михаила. Она знала через предания, что он был в нашей истории.

В своем известном романе П.И. Мельников-Андрей Печерский “В лесах” великолепно описавший жизнь и быт «раскольничьего» Керженского Заволжья, вкрапливает легенды, предания и были, касающиеся в какой-то мере жизни и смерти Михаила Алексеевича. По понятным для тех времен причинам, когда писался роман, говорить открыто о нем было нельзя: *“Каковы ж были те рассказы и те предания — преидем молчанием... Всего писанного на Керженце и всего там говоренного ни в книге списать, ни словом рассказать никому человеку нельзя...”* — писал он.

Можно задаться вопросом, а что бы было, если бы Михаил не сбежал из Москвы на Керженец? Я думаю, что после того, как его отец, царь Алексей Михайлович, несмотря на мощное противодействие всей родни Милославских, все-таки женится на родственнице одержимого властью Матвеева, шансов на долгую дворцовую жизнь у царевича Михаила не было, что показывает судьба Феодора, Софьи и Иоанна Романовых-Милославских. В акте побега Михаила мне видится воля провиденья, спасающая не только ему жизнь, но и

поворачивая тем самым вектор общественного и народного внимания не в подражании отпадающей в западничество московской верхушки, а в подражании второму законному, а впоследствии и первому “незаконному” в государстве человеку.

Всем историкам хорошо известно, что старообрядцы упрямо и в открытую не признавали Петра Алексеевича за своего законного государя, но кого же они представляли для себя законным в истории почему-то осталось незамеченным. Похоже, что столичная Москва молча тоже не признавала законность Петра-младшего. Может быть это и было одной из главных причин, побудившей Петра I безжалостно строить для себя новую столицу. Ведь изначально Санкт-Петербург строился как простой город и только где-то с 1710 этот город начался строиться как новая столица. Но и здесь Петр выбирает, по совету святителя Митрофания Воронежского, основной иконой столицы имени апостола Петра — икону Казанской Богоматери. И не потому ли Петр когда частенько бывал за границей, то назывался Михайловым (а не Алексеевым, как должен бы по правилам того времени). Этим он подчеркивал, что власть его законна и преемственна от законного старшего брата, якобы добровольно отказавшегося от престола. Странно, но после Полтавской битва (2 августа 1709 года) Петр живет в своей стране кратковременными наездами из-за границы или войнами.

Нижегородский архив не по этой ли первой тайне царского рода Романовых не содержит в своих недрах практически ничего, касающегося истории старообрядческого движения своего края.

Василий Комлев ,
1995-2001

Литература:

- Андреев И. “Страсти по д'Артаньяну”, “Знание-Сила”, 8/91;
- Бушуев С.В. “История государства Российского. 17-18 в.в.”;
- Буганов В.И., Богданов А.П. “Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви”, “Политиздат”, 1991;
- “Град Китеж”, сост. В.Н.Морохин, г.Горький, 1985;
- “Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения”, г. Горький, 1988;
- “Новгород земли низовской”, сост. В.Н. Морохин, 1994;
- Мордовцев Д.Л. “Великий Раскол” — гл.11.”Увещевание Морозовой”;
- Пушкирев С.Г. “Обзор русской истории”, “Наука”, 1991;
- Смирнов Д. “Нижегородская старина”, “Нижегородская ярмарка”, 1995;
- Соловьев С.М. “История России”, т.т.12-14.;
- Мельников (Андрей Печерский) П.И., “В лесах”, т.1, т.2;
- а) “Исторические очерки поповщины”;
- “Россия при царевне Софье и Петре I”, М., “Современник”, 1990г.
- “Родная старина”, сост. В.Д. Сиповский, М., “Современник”, 1993 г .;
- Гримберг Фаина “Династия Романовых: загадки, версии, проблемы”, “Московский лицей”, 1996 г .;
- Нилус Сергей “Близ есть, при дверех”, С.-Петербург, 1997 г .;
- Чивилихин В. “Память”;
- “Легенды и предания Волги-реки. Нижегородские были”, “Нижегородская ярмарка”, 1998 г .;
- Комлев В. “Легенда о граде Китеже — наша зашифрованная история”, “Нижегородский рабочий”, 20.06.1996г.;
- Комлев В. “Царевич Михаил Алексеевич Романов — легенда или реальность”, “Нижегородский рабочий”, 5.02.1997г.;
- Л.С. Смирнова, Т. Званцева, “Церкви Нижнего Новгорода, уничтоженные и уцелевшие”, Н. Новгород, 1991г.;
- Бороздин А. «Протопоп Аввакум»,

- Мельников Ф.Е. «Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви», «Наука», 1999г.
- Д.А. Жуков, 1971, Повесть, «АВБАКУМ»

Источник: <https://officer-prav.ru/zametka.htm>